

**ФОРМИРОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ МЕТАФОР НА БАЗЕ
«ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН И ТЕКСТОВ» В РОМАНЕ С. МОЭМА «OF
HUMAN BONDAGE»**

Тагаева Тамара Баходировна,

Старший преподаватель кафедры «Английский язык»

Самаркандского государственного института иностранных языков.

tamaratagaeva5@gmail.com

Annotatsiya. Maqola yozuvchining idioshtilining namoyoni sifatida, muallif shaxsiyatining erkin ifodasi sifatida pretsedent nomlar tahliliga bag'ishlangan. Pretsedent nom yoki vaziyat asosida metaforaning yuzaga kelish imkoniyatlarini tadqiq etar ekanmiz, biz S. Moemning ijodiy metaforik tafakkuri xususiyatlari va uning intellektual salohiyatiga murojaat qilamiz. Shu bilan birga, madaniyatga oid pretsedent nomlarga turli vaziyatlarda muntazam murojaat qilinishi romandagi qahramonlarning o'ziga xos bevosita xarakteristikasi sifatida namoyon bo'ladi.

Kalit so'zlar: muallifning dunyoqarashi, kognitiv metaforalar, pretsedent nomlar va vaziyatlar, fokalizatsiya, idioshtil, metaforik tafakkur.

Abstract. The article presents an analysis of precedent names as a manifestation of the writer's idioshtyle and as a free expression of the author's personality. Investigating the possibilities of metaphor formation on the basis of a precedent name or situation, we turn to the peculiarities of S. Maugham's creative metaphorical thinking and his intellectual potential. At the same time, the constant reference to precedent names of culture in various situations serves as a direct characteristic of the novel's characters themselves.

Keywords: author's worldview, cognitive metaphors, precedent names and situations, focalization, idioshtyle, metaphorical thinking.

Аннотация. Статья представляет собой анализ прецедентных имен как проявление идиостиля писателя, как свободное откровение авторской личности. Исследуя возможности зарождения метафоры на базе прецедентного имени или ситуации, мы обращаемся к особенностям творческого метафорического мышления С. Моэма, его интеллектуальному потенциалу. В то же время постоянное обращение к прецедентным именам культуры в различных ситуациях есть прямая характеристика самих героев романа.

Ключевые слова: авторское мировидение, когнитивные метафоры, прецедентные имена и ситуации, фокализация, идиостиль, метафорическое мышление.

Введение. Роман С. Моэма «Of Human Bondage», созданный в 1915 году, был воспринят критикой с большой надеждой на продолжение и развитие в творчестве писателя темы «воспитания личности». Автобиографическая канва позволила С. Моэму выстраивать вехи культурного и интеллектуального становления молодого Филипа, смену его занятий (юриспруденция-живопись - медицина), изменение места жительства (Лондон-Париж), расширение круга знакомых этих профессий. Текст романа С. Моэма «Of Human Bondage» насыщен большим количеством имен писателей, художников, композиторов и философов, которые были важны для обозначения «культурного кода» эпохи и характеристики интеллектуального уровня Филипа: «... Ю.Н. Караулов, который называл прецедентными «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер...» (Поветьева 2014:61).

Методы. Можно считать, что данные прецедентные имена особым образом специфически представлены в идиостиле писателя; подчеркивая, что текст романа «является творческим явлением, оперирующим как свободное откровение авторской личности». Идиостиль романа «Of Human Bondage» интересен нетрадиционными сравнениями, метафорами, прецедентными именами, что дает основание не соглашаться с утверждением Н.П. Михальской: «Проза С. Моэма лишена метафоричности, она лаконична и сдержанна» (Михальская 1989: 9).

Результаты. В рамках данной статьи обратимся к диссертационному исследованию Е.В. Поветьевой «Прецедентное имя как феномен интертекстуальности в англоязычном художественном дискурсе», в котором подчеркнута доминирующая роль авторского сознания, «культурно-семиотические ориентиры автора»: «Аллюзии, прецедентные ситуации, метафоры, цитаты, упоминания имен авторов, исторические фигуры- все указывает на прагматичность и эстетическое предпочтение автора, его мировоззрение, идеологию и убеждение» (Поветьева 2014:18). Считаем характеристикой идиостиля С. Моэма наличие в тексте его произведений вышеуказанных лингвокультурологических явлений, доказательством его метафорического мышления. Более того, обращение в тексте к историческим прецедентным именам есть маркер определенной эпохи, отраженной в произведении. К примеру, дядя Филипа, священник не очень ладил с богатым прихожанином Джозии Грейвсом, который отличался упрямством. С. Моэм создает ситуации, когда Дядя неоднократно обращается к метафоре, понятной людям эпохи начала XX века, знающим действия железного Бисмарка: “He made up his mind now that nothing Josiah Graves said would induce him to remove the candlesticks from the altar, and he muttered Bismarck to himself once or twice” (Maugham: 28). Также можно привести примеры, когда С. Моэм апеллирует к прецедентным именам литературных произведений, популярных в годы его молодости для характеристики героев романа. Писатель прибегает к метафорам, дающим толчок к внешним ассоциациям портрета француженки «раблезианского склада», что ассоциативно создает образ тучной и высокой фигуры; и вторая метафора отсылает к социальному статусу: «He found out that she had belonged to a profession whose most notorious member for our generation was Mrs. Warren...» (Maugham:244). Прецедентным становится пьеса Б. Шоу «Профессия мисс Уоррен», поднимающая острые проблемы проституции, опубликованная в 1902 году. Поэтому, согласимся, что «Знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе» (Поветьева 2014:18). Во многих произведениях С. Моэма встречается портрет персонажа, основанный на знании известной внешности прецедентного литературного героя (Дон-Кихот, мистер Пиквик) прецедентной ситуации (Отелло, Ромео и Джульетта). В романе «Of Human Bondage» есть достаточно сложные для прямого понимания и аналогии прецедентные имена в «сфере источника при

концептуализации новой сферы». Рассказывая о любовных похождениях приятеля Филипа, С.Мозэм иронизирует по поводу занятий Труды: «Hayward surrounded his sordid and vulgar little adventures with a glow of poetry, and thought he touched hands with Pericles and Pheidias because to describe the object to his attentions to used the word hetaera...» (Maugham: 244).

Сфера источника-предельно специфическая, думается, что прямой аналогии не получилось для широкой читательской аудитории. Мало, кто из читателей знают, что правитель Афин в V в. до н.э. Перикл открыто признал в качестве жены гетеру Аспазию, как и скульптор Фиддий. Подобный пример более характеризует ментальные операции самого писателя: «Метафора-это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления. Метафоры заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует» (Чудинов 2001:37).

Очевидно, анализируя возможности зарождения метафоры на базе прецедентного имени или ситуации, мы обращаемся к особенностям творческого метафорического мышления С.Мозэма, его интеллектуальному потенциалу. Поэтому в рамках данной статьи выделим несколько «разновидностей» «тропеического комплекса» на базе прецедентных имен или художественных эталонов.

Ученых филологов разных специализаций волнует вопрос не столько о существовании разноплановых метафор, сколько вопрос о способах ее образования на базе воображения мастера: «...яркость метафоры заключается в их способности показывать смысл, который они выражают» (Рикер 1990:417). Отметим, что значительная часть повествования романа «Of Human Bondage» посвящена описанию пребывания Филипа в Париже, когда он готовился стать художником. Естественно, что многочисленные фамилии художников (классиков и представителей французского импрессионизма) были часты в диалогах, рассуждениях о мастерстве, сценах посещения выставок соучениками Филипа, отражали их профессиональный интерес и вкусы. Взгляды художников создают в данной части повествования особенный мир, который фиксирует С. Мозэм, подчеркивая профессиональную фокализацию (образованность, знания и художественную аналогию). К примеру, восприятие весеннего дня, эмоциональный позитив от прогулки позволяет герою видеть мир похожим на живописную манеру художников 18 века: «It Reminded you not Wattean, whose landscapes are so idyllic that they recall only the the woodland glens seen in dreams, but of the more prosaic Jean Baptiste Pater» (Maugham:332-333). Права Н.Д. Арутюнова, лаконично определившая самую суть когнитивной метафоры, для которой «характерно установление далеких связей» и определение «метафора - это образная индивидуализация» (Арутюнова 1990:20,22).

Обсуждение. С. Моэм как бы реализовывал две выше упомянутые цитаты в творческое «намерение». 1. Человеку, далекому от понимания творческой манеры Ватто, не придет в голову так видеть весенний сад, то есть подчеркнуто художественное профессиональное восприятие мира героями. 2. В данном тропе проявляется позитивная эмоциональность, сходная с изысканными и веселыми картинами Ватто (настроение героев и атмосфера, созданная картинами). Примером установления «далеких связей» считаем следующую образную фокализацию Филипа, которые приведены в тексте дважды. Вновь согласимся с Н.Д. Арутюновой: «Близость к метафоре образного сравнения не вызывает сомнения» (Арутюнова 1990:26). Проплывая мимо лондонского порта, отмечая изменение красок (гранит, борт кораблей, вода) под влияние заходящего солнца Филип видит панораму: «The delicate iridescence of the London air gave the softness of a pastel to the gray stone of the buildings, and in the wharfs and storehouses there was the severity of grace of a Japanese print» (Maugham:334). С. Моэм подчеркивает знание героя техники японской гравюры, четкие штрихи на ней и «графическую» перспективу панорамы верфи, которые соединяются в такую далекую аналогию, что можно считать именно «образной индивидуализацией» знатока и художника. Э.Кассирер определяет когнитивную метафору как плод метафорического мышления и фантазии («индивидуальная метафора создается фантазией») как бы создает теоретическое обоснование сложных «тропеических комплексов» в романе «Of Human Bondage»: «Понятия логически-дискурсивные берут свое начало в индивидуальном восприятии, углубляясь и вступая во все новые отношения, выходя за пределы первоначальных границ» (Кассирер 1990:37). В романе есть такие сложные «тропеические» пассажи, которые можно считать многоуровневыми и разноплановыми, тематически разделим их на четыре части (хотя С.Моэм представляет их как поток ассоциативного восприятия в одной сцене -Т.Т.). Итак, сцена, условно обозначенная нами как «Распитие ромового пунша». 1. Автор подчеркивает, что никакие тропы не в состоянии передать, по мнению Филипа, «вкус и блаженство» самого процесса распития пунша: «Philip was not satisfied with metaphor... The pen falters when it attempts to treat of the excellence thereof... the sparse epithet of this narrative...» (Maugham:334). 2. Поэтому следующей «ступенькой» будет индивидуальное (авторское восприятие) соединение ассоциаций (чисто физиологических) и абстрактных (интеллектуальных): “It warmed the blood and cleared the head, it filled the soul with well-being it, disposed the mind at once to utter wit and to appreciate the wit of others, it had the vagueness of music and the precision of mathematics” (Maugham:346). Только человек, тонко понимающий музыку и любящий математику, использует в данном контексте такой семантически «далекий» переход от физиологических позитивных ощущений к интеллектуальным. 3. Следующее обращение к прецедентным именам литературы

выдает вкус героя, его художественные пристрастия, умение выделить «главное» и уместные в данном контексте стилевые особенности перечисленных писателей. Подчеркнем, что постоянное обращение к прецедентным именам культуры в различных ситуациях есть прямая характеристика героя романа. С.Моэм в «романе воспитания» и таким способом подчеркивает творческие и нравственные искания Филипа, его начитанность: “Charles Lamb, with his infinite fact, attempting to, might have drawn charming pictures of the life of his day; Lord Byron in his stanza of Don Juan ...Oscar Wilde, heaping jewels of Ispahan upon brocades of Byzantium...” (Maugham:346). С. Моэм воссоздает «поток мыслей» Филипа, который столь изощренно-интеллектуально воспринимает обыкновенный поход в кабачок с «темными панелями». Его ассоциативная палитра широка, мысль работает в неожиданном направлении, создавая «новые взаимоотношения», подчеркивая оригинальность мышления и остроту восприятия. 4. Заключительная часть-эклектичная, состоящая в «поисках сравнений» среди «не сравниваемого» для обычного ума: «...the mind reeled under visions of the feast of Elagabalus, and the subtle harmonies of Debussy mingled with the must, fragrant romance of chests in which have been kept old clothes, ruffs, hose... and the wan odor of lilies of the valley and the savour of Cheddar cheese» (Maugham:346). Как видим, даже из данного отрывка, можно отметить тенденцию С.Моэма не отделять духовное от «телесного», высокое от обыденного, подвергая ассоциативной обработке весь «тропеический комплекс». Однако, существуют в тексте романа «Of Human Bondage» двойное сложное метафорическое сравнение, когда философский труд эмоционально воспринимается как впечатление от скульптуры, что свидетельствует о высоком уровне ассоциативного мышления и культуре героя (но в первую очередь писателя.-Т.Т.): «Spinoza filled him with awe, he had never before come in contact with a mind so noble, so unapproachable and austere, it reminded him of that statue by Rodin l’Age d’Airam, which he passionately admired...» (Maugham:279). Данный метафорический образ служит у С. Моэма основой для «считывания» с него новых метафорических значений и, как следствие, особых представлений об эмоции. Читая труды философов, Филип «наслаждается, улыбается, смакует»: «...метафоризация является одним из основополагающих методов обогащения языка и придания ему образности и эмоциональности. Именно поэтому одной из главных функций метафоры является придание речи образно-экспрессивной окраски (Смирнова 2016: 18). Считаем данный пример показательным для характеристики метафорического мышления С.Моэма.

Сущность вышеизложенного сводится к следующему:

-метафора понимается как инструмент для порождения новых значений и создания художественных образов, способ познания и оценки действительности (Будаев Э.В);

-анализируя возможности зарождения метафоры на базе прецедентного имени или ситуации, мы обращаемся к особенностям творческого метафорического мышления С. Моэма, его интеллектуальному потенциалу;

-частое обращение к прецедентным именам культуры в различных ситуациях есть прямая характеристика героя романа. С. Моэм в «романе воспитания» использует прямую фокализацию для создания образа культурного и образованного человека (знание живописи и литературы, философии).

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс//Теория метафоры: Сборник. - М.: Прогресс,1990. -С.5-32.
2. Кассирер Э. Сила метафоры //Теория метафоры: Сборник. - М.: Прогресс, 1990. -С.33-43.
3. Мещерякова Н.П. Сомерсет Моэм: взгляды и творчество// С. Моэм. Нечто человеческое. - М: Издательство Правда,1989. - С.5-16
4. Поветьева Е.Б. Прецедентное имя как феномен интерпретации в англоязычном дискурсе. дисс...канд. филол. наук. Самара,2014. – 234 с.
5. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение//Теория метафоры: Сборник. - М.: Прогресс,1990. - С.416-435
6. Смирнова А.В. Метафора как когнитивный элемент передачи эмоций на примере немецкого языка // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2016. 2 (167)- С.16-18.
7. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). - Монография. Уральский гос. Пед.ун-т.-Екатеринбург, 2001. – 238 с.
8. Maughan S. «Of Human Bondage»
9. <https://ru.scribd.com/document/814370126/Of-Human-Bondage>

Ajiniyaz atindagi
NOKIS MAMLEKETLIK
PEDAGOGIKALIQ INSTITUTI
N M P I
1934